

Глава 23. Газета тридцать девятого года.

Рёв потряс школу, будто пролетел над крышей истребитель. Фёдор Баглаевич хлопнул себя по бокам, как наседка крыльями, и выскочил во двор, на ходу надевая свою знаменитую доху с лисьим воротником.

Производственные мастерские, пристроенные к зданию школы, с недавних пор стали приютом для кружка мотористов. Возглавил его энтузиаст-колхозник, некогда первый в наслеге тракторист Алексей Бнахсытов. Было оно хоть и полезное дело, но, с директорской точки зрения, небезопасное — того гляди, сожгут школу.

Появления директора в мастерских никто не заметил — десятка два учеников, с физиономиями, весьма перепачканными, кричали, размахивали ключами и кусками ветоши, по-шамански прыгали вокруг сотрясающегося допотопного трактора. С чёрными полосами на щеках тут же стоял Аласов. Сам Бнахсытов лежал под трактором, торчали наружу только его подшитые кожей валенки.

Кубаров, поднатужившись, перекричал шабаш: рёв мотора покорно умолк. Усатый Бнахсытов вылез из-под трактора.

— Воскрешаем, Фёдор Баглаевич, сердце покойника... Не хуже тех хирургов! Слышал ведь звук?

— Как не слышать! Оглохнуть можно. Сергей Эргисович, хоть бы ты их в рамках приличия держал!

— А я что, — Аласов невинно пожал плечами. — Я тут рядовой курсант.

Приобняв за талию, директор повёл Аласова к выходу:

— Пойдём-ка, Серёжа, на свет, я тебе платочком копоть сотру с лица. Потечески поухаживаю, пока ты молодой женой ещё не обзавёлся.

— Спасибо, Фёдор Баглаевич. Эх я, оказывается, перемазался...

— Рабочая грязь — дело не зазорное, А вообще хочу тебе от чистого сердца сказать: тут ты, Сергей Эргисович, настоящим молодцом себя показал. И со «следопытами», и с трактором этим. Нужно к ребятам постепенно, а не то что с ножом к горлу — полюбите колхоз немедленно!

«Вот именно», — подумал Аласов, но промолчал, не стал ничего напоминать старику.

— Между прочим, говорят, твои «следопыты» какую-то старую газетку отыскали?

— Отыскали. Письмо бывших наших учеников...

Кубаров всё не отпускал его, снизу вверх заглядывая в лицо добрыми медвежьими глазками.

— Ах, Серёжа, Серёжа, умница. А ведь что на педсовете нагородил?! Эх, молодо-зелено... И кого в зубах трепал? Учителей своих! Людей с

тридцатилетним педагогическим стажем! Знаешь, Серёженька, с твоими взглядами ой-ой как трудно тебе будет! Особенно с Тимиром Ивановичем. Я-то всегда тебя и пойму и прощу. А он...

— Это что же, — Аласов высвободился из объятий. — Вроде бы предупреждение от лица руководства?

— Да что ты городишь! — директор замахал руками. — Вот нынче молодёжь обидчивая пошла! Как порох. Я ведь сердечно! Если хочешь знать, — он понизил голос до шёпота, — я его сам, Тимира-то Ивановича, порой побаиваюсь... Он, брат, у-у... серьёзная штука! Ты человек новый, всех здешних хитросплетений не знаешь... Не знаешь, а в своей речи, если хочешь начистоту, весь коллектив охаял! В точности как Нахов. Кой чёрт тебя, Серёженька, к этому крикну тынешь? Разве ты не видел, как он твоё выступление использовал — свои дразги раздуть!

— Какие дразги? Очень даже дельно сказал. Разве что погорячился малость.

— Между прочим, поговаривают, ты с ним водку пьёшь?

— Не буду больше, Фёдор Баглаевич.

— Чего не будешь?

— Не буду больше водку пить. Перехожу на молоко.

— Ах, Серёжа, Серёжа, ты всё-таки подумай, не шути.

— Не шучу, Фёдор Баглаевич...

Газета, о которой вспомнил Кубаров, стала в десятом классе сенсацией. А маленький тихий Ваня Чарин выбился в герои — ведь с него-то всё и пошло.

В одно из воскресений парнишка отправился в дальний Урасалах проведать старую тётку. Бездетная одинокая женщина, как водится, постаралась использовать физическую мощь юного родственника — Ваня весь день провёл с молотком и топором, укрепляя ветхую тётушкину избушку.

В углу под потолком, где обои отстали, стена оказалась оклеенной старинными газетами — на немецком языке. Откуда и когда в Урасалах могли попасть немецкие газеты? Ваня попробовал читать, получилась удивительная вещь: стали складываться не немецкие, а... знакомые якутские слова! Рассказывалось не о чём-либо, а об их школе! Мелькнуло в тексте даже имя Гоши Кудайсова... У Вани Чарина от удивления голова кругом пошла: тысяча и одна ночь!

Будучи истинным следопытом, Ваня Чарин сначала постарался терпеливо разобраться в тексте — делать это ему пришлось, вися чуть ли не вниз головой. Оказалось, это был номер якутской газеты «Эдэр бассабыйк» за 1939 год. На видном месте здесь было опубликовано письмо двенадцати комсомольцев — они окончили школу и решили остаться работать в родном колхозе. За комсомольской бригадой правление колхоза обещает закрепить специальную

ферму, тягло и технику, земельный участок, а молодёжь берёт на себя обязательство в ближайшие годы вывести свою ферму в число передовых. Под письмом подписи: Вася Терентьев, Дора Иванова, Гоша Кудайсов...

Исключительный документ сам идёт в руки! Кто знает, может, этот первый вклад в науку Ивана Кирилловича Чарина потом будет отмечен во всех биографиях знаменитого учёного-историка!

Парень взял топор и под негодующие крики тётки вырубил кусок стены вместе с газетой.

В школе дощечку бережно передавали из рук в руки, её расшифровывали, комментировали на все лады. «Гоша Кудайсов — это, как выяснилось, отец сегодняшнего нашего Гошки (который, как известно, Егор Егорович).

— А «Вася Терентьев», — похоже, мой дядька, — догадался Ким Терентьев. — Был у меня дядя, старший брат отца, на войне погиб. Я его на снимке видел.

После уроков в хибару возле электростанции отправились делегацией. Аксю в первую минуту испугалась нашествия, но Гоша объяснил матери, в чём дело. Оказалось, она не только всё знала о бригаде, но сама была её членом. И заметку в газету писала!

— Погодите, деточки, погодите, дайте собраться с умом.

Верно, перед войной это... Вася Терентьев был заводилой. Лохматый он такой ходил. Ух, как тряхнёт кудрями, как махнёт рукой: добьёмся самых высоких надоев! Молодые были, силы сколько хочешь, всё сможем. Колхоз сомневался, а потом, однако, дали нам небольшую ферму. Ту, что за Толооном, сейчас там и пеньков не осталось. Ох, и работали мы! Хорошая была у нас дружба. И любовь... Поженились сначала Вася Терентьев и Олечка... На другой год и мы с отцом Егорши свадьбу справили. Да... И всё у нас ладно пошло. Мне даже премию дали — шапку такую модную, с бисером, как сейчас её помню. А какая озимь в тот год выдалась, сердце веселилось!

Аксу задумалась, замолчала надолго.

— И вот — война. Пришла, проклятая, всю жизнь крест-накрест. У меня на том всё и кончилось. Первые ушли Вася, Коля Кондратьев, Фёдоров. Конечно, в колхозе сразу пошли срывы. Стали нас бросать то туда, то сюда, поломалась бригада. А потом и мой Егор ушёл. Когда прощался, сказал: «Вернёмся — опять одной бригадой работать будем». И не вернулся. И Вася не вернулся. И Митин, и Фёдоров. Коля Кондратьев на одной ноге пришёл. Дора на третьем году войны сопровождала колхозный гурт за Медвежьей речку, простудилась в дороге и померла... А Нюту замуж взяли в другую деревню... Вот и осталось нас от бригады — я да Вера ещё, Веру Михайловну знаете? Разметала всех война...

Гоша и мучился, и гордился, и стыдно было ему, когда мать разрыдалась, долго не могла уняться, но когда сказала о премии, не без тайной гордости покосился на товарищей, особенно обрадовало его, что Лира это услышала. Пусть знает, что не всегда Кудайсовы были посмешищем деревни, не всегда они славились скандалами. Мать его когда-то была молодой и весёлой, знатной колхозницей была — премии получала!

Молодой была... Гоша никак не мог представить себе мать молодой. Сколько помнит её, всегда она была старая, измученная. Как горько сказала она тогда учителю Аласову: «Ко мне жизнь всё задом». Мать часто рассказывала, какая в войну нужда была, как жилось голодно. Да и потом не легче. Эти драки проклятого пьяницы, откуда только он взялся на их горе! Не раз замечал Гоша, с какой тоскливой завистью смотрит мать на женщин, которые проходят мимо их хибары. Женщины хорошо и тепло одеты, сытые, бывает, под руку со своими мужьями... А у неё одна забота день и ночь: как прожить, как детей накормить, одеть. «Мама, а что же ты сама не ешь?» — «Кушай, кушай, сынок, я не голодная, я пока готовила, наелась...» И стареет, стареет, год от году всё заметнее, и всё больше страха в глазах. Неужто так ей до самой смерти теперь?

Гоша поднялся с постели, сел, глядя в душную темноту. Нет, сказал он себе, нет, так нельзя. Серьёзно сказал, как мужчина, как человек, которого жизнь подвела к единственно верному решению. Нет, так дальше не будет, по-другому будет. Весной кончу десятый и сейчас же на работу. На самую тяжёлую! Чтобы хватало трудодней на всё: и мать поддержать, и сестрёнок поставить на ноги. Правда, она всё об институте твердит. Хочется, чтобы как у людей, чтобы дети в жизни не бедствовали из-за куска хлеба. Не беспокойся, мама, станем людьми! Вон колхозный партсекретарь Бурцев — простым фуражиром был, а теперь зоотехник, выучился без отрыва от колхоза.

Я всё смогу! Только бы мать не помешала. А на Антипина, на этого пьяницу, разве можно надеяться? Ты на меня надейся, мама! Скорей бы утро... Он встанет и сразу же всё скажет ей. Не заколеблется, не отступит! И ещё увидит, как мать улыбнётся, как сестрёнки станут бегать по деревне в белых заячьих шубках...

А Лира?! Они столько раз фантазировали, когда вместе шли, бывало, в школу: она поступит в МГУ, он в Тимирязевку, это в Москве, говорят, совсем рядышком.

Выходит, этого теперь не будет? Но ничего, ничего, надумал всерьёз, значит, чем-то и поступиться надо. Ничего! Лира окончит свой филфак и вернётся преподавать литературу сюда же, в Арылах...

На первой перемене он отозвал Юрчу Монастырёва в сторону. Юрча тоже мечтал о Москве, и у них было нечто вроде мужского договора — в столице держаться вместе. Отозвал, не глядя другу в лицо, твёрдым голосом, как об

окончательно решённом, рассказал ему всё. Но удивительно — Юрча не рассердился, не попрекнул. Он хлопнул Гошу по плечу:

— Слушай, Егорша, ты — молодец! О тебе обществу нужно сообщить, народ должен знать своих героев!

Не успел Кудайсов и рта раскрыть, как Юрча уже митинговал перед классом:

— Братцы, народы! Гошка после выпускного добровольцем идёт в колхоз работать! И подаёт на заочный! Нашего общего друга Антипина сдаёт в металлолом на переплавку. Высшая форма сознательности!

Последнее время десятый класс постоянно пребывал во взвинченном состоянии. Его то и дело сотрясали общественные катаклизмы, по поводу чего мужчины держали речи, а женщины, как водится, кричали «ура» и в «воздух чепчики бросали». То история с пастухом Лукой Бахсытовым, то возвращение в строй изгнанника Макара Жерготова, то взбудоражившее всех известие, что старый Левин подарил деревенской молодёжи дом с библиотекой, то находка Вани Чарина. А теперь вот — Гоша Кудайсов.

И снова загомонил десятый класс, слава опустилась на плечи очередного героя. Гоша под этим бременем сидел уткнувшись в парту и головы не поднимал.

— Гоша, неужели правда?

— Что тебе взбрело, Кудайсов!

— Пусть Егорша сам скажет!

— Ой, девочки, как романтично! Егоршин отец, помните, как сказал: я вернусь. И вот в колхоз опять приходит Егор Кудайсов!

— Нинка, тебе бы романы писать!

— А что!..

Лишь одного голоса Кудайсов так и не услышал — голоса Лиры. Глянув в её сторону, он перехватил её тревожный, вопрошающий взгляд и ещё ниже опустил голову: не Юрче Монастырёву, а ей нужно было рассказать прежде всего. Ах ты, дурила!..

— Я вот, Гошка, посмотрю-посмотрю на тебя, да и сам тот же номер выкину... Работать и учиться заочно — чем плохо? На заочный и устроиться легче, — говорил между тем Ким Терентьев.

Он с силой двинул Гошку в бок и уселся с ним рядом. Они сидели, подперев друг друга плечами и вроде бы даже чуть-чуть обособившись от остального галдящего народа.

— Мой дядька бригадиром был, а я что же? Вдвоём двинем, верно?

— Почему это вдвоём? Может, больше наберётся!

Это Макар Жерготов сказал. Будучи человеком рассудительным и «мятым жизнью», он не хлопал по-ребячьи в ладоши, не шумел зря, а с основательностью взрослого человека лишь усмехнулся отчаянному порыву Терентьева:

— Тут, брат, никакого особенного геройства не требуется. Для меня, например, этот вопрос давно решён. Считай, уже трое нас, ещё кого-нибудь сманим. И будет у нас своя бригада.

— Бра-атцы, это идея! Свою ферму, трактора свои, непременно автомашину,

— Ты, Юрча, ещё вертолёт потребуй!

— А ферму возьмём ту самую, Чаран, куда после бурана ходили! Там луга, озеро можно соорудить. Нет, серьёзно! — Монастырев ещё пуще взвинтил себя. — Первая ферма в Якутии! Во всей Сибири! Бра-атцы, я — всё! Остался...

Саша Брагин вовремя понял, что нужно брать бразды, иначе очень просто можно оказаться на обочине общего движения.

— Тише, люди! Во-первых, я сейчас перепису всех желающих...

— Он переписет! А сам-то? — Юрча Монастырёв с некоторой ревнивостью воспринял попытку комсорга вырвать у него инициативу из рук. — А сам что же?

Брагин растерялся, вид у него был такой, словно человек с разбегу на сосну налетел.

— Я, конечно, я почему же... Я тоже не должен в стороне...

— А как же твоя философия?

Все знали, что Брагин уже с седьмого бредит философским факультетом Московского университета.

— Ну да... философия... — Брагину нелегко было взять себя в руки. — Хотя, с другой стороны, философия — это наука о жизни... С жизни надо начинать!

— А по-моему, надо быстренько за Сергеем Эргисовичем сбегать!

— Дело. Верочка, беги!